ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

5.

Стр.

5 Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1812-й годъ.

37. Записки **М. С. Сабининой.** 1848—1850 годы.

68 Письма **И. А. Гончарова** къ А. А. Фету. 1861—1888.

75. Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—1878 годовъ. **Д. В. Бартенева.**

82. О книгѣ В. О. Ключевскаго: „Краткое пособіе по Русской исторіи". Статья **С. И. К.**

93. Замѣтка о Паисіѣ Лигаридѣ. **Е. И. Козубскаго.**

95. Могила княгини З. А. Волконской.

96. Письма **М. М. Сперанскаго** къ А. О. Имбергу. 1825—1838.

105. Цапли. Шуточные стихи стараго времени.

106. По поводу статьи о пребываніи А. С. Пушкина въ Бердѣ. **П. Л. Юдина.**

110. Изъ воспоминаній **баронессы М. П. Фредериксъ**: Плѣнный Османъ-паша.

112. Г. А. Чертковъ. Некрологъ.

Автобіографія Суворова съ его портретомъ. **Ю. Б.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ *).

1848-й годъ.

21-го Января я въ первый разъ была на балу; это былъ такъ называемый thé dansant, на который по подпискѣ собиралось знакомое между собой общество. Лично мнѣ не доставляло никакого удовольствія это верчѣніе, всегда дававшее мнѣ головокруженіе; но я бывала на балахъ, чтобы не оставлять моихъ сестеръ.

Зима въ этомъ году была суровая, и снѣга было много. Обыкновенно этимъ старались воспользоваться, чтобъ устраивать большія катанья на саняхъ. Когда въ такой поѣздкѣ принималъ участіе дворъ, то цѣлью ея обыкновенно бывалъ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ; тамъ обѣдали, танцовали и возвращались домой ночью съ факелами, или при лунномъ свѣтѣ. Кавалеры, приглашенные дворомъ для принятія участія въ катаньи, приглашали своихъ любимыхъ дамъ, и нерѣдко подобныя поѣздки оканчивались помолвкой.

16-го Февраля, въ день рожденія нашей великой княгини, дали оперу Флотова «Марту», подъ управленіемъ придворнаго капельмейстера Листа; невозможно было достать ни одного билета. Опера прошла удивительно хорошо. Нѣсколько дней спустя ее опять дали; Листъ дирижировалъ, и все шло отлично.

27-го Февраля въ Веймарѣ получили извѣстіе о томъ, что въ Парижѣ возмутился народъ (22-го Февраля), и что на слѣдующій день революція возрасла.

3-го Марта пришло извѣстіе, что герцогиня Орлеанская бѣжала изъ Парижа въ Дюссельдорфъ. Всѣ были взволнованы и съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ Франціи; безпокойство было всеобщее.

7-го Марта. Въ 5 часовъ дня мы пошли въ нашъ пѣвческій кружокъ (Singverein); но, возвращаясь оттуда въ семь часовъ, насъ поразило оживленіе на улицѣ: вездѣ ходилъ народъ и толковалъ о чемъ-то, а общее направленіе его было ко дворцу. Издали мы ви-

---

*) См. I-ю книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 509.

дѣли, что передъ дворцомъ весь дворъ былъ запруженъ народомъ, кричавшимъ и требовавшимъ чего-то. Изъ боязни толпы мы какъ можно скорѣй поспѣшили домой. Тамъ мы застали нашихъ родителей въ ужасномъ волненіи: они уже знали, что въ городѣ революція, чего мы, проходя по улицамъ, не успѣли еще понять, и они укладывали самыя цѣнныя вещи.

До часу ночи народъ не покидалъ дворцоваго двора, съ криками требуя свободы печати, уменьшенія налоговъ, пересмотра бюджета двора, перемѣны министерства и другихъ тому подобныхъ вещей. Всѣ ворота и двери дворца были заперты, и никого не впускали и не выпускали изъ него. Во внутреннемъ его вестибюлѣ стояла дорожная берсёзъ, запряженная четверикомъ; въ нее наскоро уложили брилліанты и деньги, для того чтобы, въ случаѣ необходимости, наша великая княгиня могла выѣхать изъ дворца задними воротами, не будучи замѣченной народомъ.

Наконецъ гросъ-герцогъ Карлъ-Фридрихъ показался у открытаго окна и обѣщалъ народу дать отставку министерству. Народъ привелъ на дворцовый дворъ и носилъ на рукахъ маленькаго горбатаго человѣка, Ф. Роденбрука, прибывшаго изъ Америки, и требовалъ, чтобы его назначили министромъ народнаго просвѣщенія. Гросъ-герцогъ и на это согласился, желая успокоить народъ исполненіемъ его требованій.

9-го Марта на городской площади и на прилегающихъ ко дворцу улицахъ опять собрался народъ. Образовали народную гвардію, которую, въ ожиданіи дальнѣйшаго обмундированія, снабдили ружьями и ягдташами. Гвардія эта состояла приблизительно изъ 3000 человѣкъ, многіе изъ коихъ были дворяне. Для меня всегда было непонятнымъ, какъ дворяне могли согласиться вступить въ ряды этой бушующей толпы чернорабочихъ.

Изъ слѣдующихъ эпизодовъ того времени видно, какъ мало народъ понималъ то, чего требовалъ, и какъ мало было серьезнаго во всѣхъ его мысляхъ и дѣйствіяхъ. Министръ Ватцдорфъ былъ видный мужчина высокаго роста, но ходилъ всегда сгорбившись, что̀ давало ему видъ горбатаго. Разъ онъ идетъ по улицѣ мимо двухъ крестьянъ; они смотрятъ на него, и одинъ изъ нихъ говоритъ другому: «Жаль этого красиваго мужчину, что у него горбъ». Что жъ, отвѣчаетъ другой, онъ не можетъ помѣстить всѣхъ своихъ мыслей въ головѣ: вотъ ему и нужно еще мѣсто для нихъ въ горбу.

Одинъ изъ народныхъ представителей въ парламентѣ, старикъ переплетчикъ Генсъ, обратился къ народу съ такой длинной рѣчью, что подъ конецъ ея совсѣмъ охрипъ. Окончивъ, онъ спрашиваетъ у

своихъ слушателей: «Поняли вы меня?» Ему отвѣчаютъ: «Нѣтъ!» а изъ заднихъ рядовъ кричатъ: «Еще разъ! еще разъ!»

Одинъ крестьянинъ спросилъ другого: «Скажи, пожалуйста, что это такое—свобода печати?»—«А Богъ ее знаетъ, что̀ это такое», отвѣчалъ тотъ, «а все-таки: да здравствуетъ свобода печати!»

Другой крестьянинъ на тотъ же вопросъ отвѣчалъ: «Ты можешь писать и печатать все въ газетахъ, и тебѣ это ничего не будетъ стоить».

Во время безпорядковъ въ Веймарѣ одна женщина, проходя по рынку, встрѣтилась съ двумя крестьянами; вдругъ одинъ изъ нихъ обнимаетъ ее, прижимаетъ къ груди и кричитъ: «Es lebe die Pressfreiheit!» *). Крестьянинъ по своему понялъ свободу печати.

Многіе мужики приходили въ городъ съ мѣшками и кожанными сумками, разсчитывая получить большую кучу денегъ изъ соединенныхъ кассъ Kammer und Landschaftkasse, соединенія коихъ они требовали, воображая, что при этомъ каждый изъ нихъ получитъ обратно подати, внесенныя имъ. Многіе говорили: «Мы теперь сдѣлали все чего желалъ гросъ-герцогъ; онъ могъ бы теперь и намъ что нибудь дать, хоть по зильбергрошу на человѣка».

10-го Марта. Наша великая княгиня была у преждеосвященной обѣдни; она казалась очень серьезной, но спокойной, хотя постоянно получались вѣсти о новыхъ безпорядкахъ по всей Германіи. Почти вездѣ дарована была свобода печати.

Молодежь продолжала учиться, и мы брали свои частные уроки, хотя всѣ были поневолѣ возбуждены необычайными извѣстіями.

11-го Марта. Такъ какъ народъ не успокоивался и безпорядки не прекращались, гросъ-герцогъ отставилъ министровъ Швейцера и Тони; фонъ Герсдорфъ самъ отказался. Назначено было новое министерство, и фонъ Роденбрукъ сталъ министромъ народнаго просвѣщенія. Всѣ благомыслящіе надѣялись, что до отставки министровъ не дойдетъ; но гросъ-герцогъ рѣшился на этотъ шагъ, надѣясь такимъ образомъ успокоить броженіе умовъ.

12-е Марта. Воскресенье. Во дворцѣ была обѣдня. Походная церковь во дворцѣ была устроена во второмъ этажѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ; въ первой мы всѣ всегда стояли, а въ слѣдующей находился иконостасъ, стояли пѣвчіе и сама великая княгиня. Чтобъ изъ своихъ покоевъ пройти въ эту церковь, она поднималась по внутренней лѣстницѣ, проходила черезъ покои гросъ-герцога и черезъ бильярдную комнату, отдѣлявшую ихъ отъ помѣщенія походной церкви. Обыкновенно дежурный камеръ-лакей поднимался по парадной лѣстни-

*) Да здравствуетъ свобода печати!

цѣ, ожидалъ выхода великой княгини изъ покоевъ гросъ-герцога, и открывалъ для нея на распашку двери въ первую комнату церкви. Около этой двери въ церкви стоялъ обыкновенно мой братъ Иванъ. Въ этотъ день, въ 10 часовъ, великая княгиня прислала сказать моему отцу, чтобы начинали службу, не дожидаясь ея прихода. Нужно замѣтить, что великая княгиня была такъ аккуратна, что никогда не дозволяла себѣ опаздывать къ назначенному ею времени въ церковь; если же, по независившимъ отъ нея обстоятельствамъ, ей случалось придти нѣсколькими минутами позже, то она непремѣнно извинялась предъ моимъ отцомъ, что заставила себя ждать. Кто такъ цѣнилъ время и каждую минуту своей жизни, не только для себя, но и для другихъ, тотъ и могъ сдѣлать столько хорошаго въ свою жизнь, сколько она сдѣлала.

Когда начали читать Евангеліе, мой братъ услышалъ шорохъ шелковаго платья въ бильярдной комнатѣ. Такъ какъ лакей не открывалъ дверей, то Иванъ, полагая, что это великая княгиня, открываетъ одну половинку двери, затѣмъ другую, и пропускаетъ ее. Она, войдя въ комнату, опустилась на колѣни у стула, стоявшаго около дверей и разрыдалась горькими слезами. По окончаніи Евангелія она встала и прошла на свое обычное мѣсто. Она была страшно блѣдна и едва держалась на ногахъ. Послѣ обѣдни она подошла къ моей матери и сказала: «Вотъ благодарность за все, что̀ я сдѣлала для нихъ». И правда, трудно найти царствующую особу, которая бы сдѣлала для своего государства столько добраго и полезнаго, какъ она. Затѣмъ, обращаясь къ моему брату, она дала ему руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ, и сказала ему: «Благодарю васъ, что вы открыли мнѣ двери. Камеръ-лакей впервыя опоздалъ въ исполненіи своихъ обязанностей». Жутко и тяжело было намъ всѣмъ; безпокойство о томъ, чѣмъ все это кончится, не давало покоя ни днемъ, ни ночью. Военные патрули ходили по городу, для предупрежденія сборищъ народа, который стремился туда изъ деревень. Наконецъ 13-го Марта національная гвардія и члены общества вольныхъ стрѣлковъ заняли караулы во дворцѣ.

Броженіе умовъ становилось все сильнѣе и сильнѣе; предложенныя правительствомъ мѣры не принимались; политика Меттерниха, господствовавшая въ Германіи, была ненавидима всѣми, а съ другой стороны поднятіе военныхъ силъ въ Пруссіи было принято мѣщанами и крестьянами съ недовѣріемъ и презрѣніемъ. Въ Берлинѣ происходили страшныя столкновенія между военными и народомъ: 18-го Марта кровопролитіе длилось цѣлый день; на улицахъ собрали около трехъ тысячъ убитыхъ, изъ нихъ двѣсти офицеровъ.

Одновременно съ этимъ въ Миланѣ провозгласили республику. Борьба между Итальянцами и Австрійцами была ожесточенная; здѣсь уже не одинъ народъ, а два разныхъ племени боролись другъ противъ друга. Итальянцы ненавидѣли Австрійцевъ, а послѣдніе въ своихъ Итальянскихъ провинціяхъ достигли только того, что были ихъ военнымъ карауломъ, въ обыденный же жизни они остались чуждыми другъ другу.

Грустныя извѣстія изъ Берлина о безпорядкахъ, происшедшихъ тамъ 18-го Марта, дошли до Веймарскаго двора на другой же день, и наша великая княгиня была въ безпокойствѣ о своихъ дочеряхъ [1]).

Въ Берлинѣ безпорядки принимали особенно угрожающій характеръ противъ принца Вильгельма, такъ что онъ вынужденъ былъ бѣжать въ Англію. Въ журналѣ «Die Leuchtkugeln», какъ бы отъ имени министерства, былъ помѣщенъ протестъ противъ его возвращенія въ Берлинъ. Протестъ этотъ начинался такъ:

Wir wollen ihn nicht haben,
Rufn Alle laut und fest:
Wir wollen keinen Raben
Im Königsadlernest [2]).

Какъ стыдно стало бы народу, если бы впослѣдствіи, принимая любимаго своего Императора, онъ прочиталъ вновь свое прежнее рѣшеніе, высказанное противъ него подъ вліяніемъ и руководствомъ отдѣльныхъ лицъ.

Нападкамъ, которыя печатались на принца, не было конца. Онѣ были въ слѣдующемъ родѣ: «Meinen lieben Berlinern zeige ich hindurch ergebenst an, dass ich von meiner Reise nach England mit einem Vorrath neun Missverständnisse binnen Kurzem nach Berlin zuruckkehren werde. London im Mai 1848. Friedrich Wilhelm» [3]). Или слѣдующее: «Neue Erfindung. Den Herrn Regenten empfalle ich meine nach einer neuen Gattung konstruirten Gewehre, die nämlich in dem Augenblicke, in welchem das Volk mit Forderungen drängt, sich von selbst entladen. Zufall Büchsenmacher» [4]).

---

[1]) Одна изъ нихъ была замужемъ за принцемъ Фридрихомъ Карломъ Прусскимъ; другая, Августа, за принцемъ Вильгельмомъ, впослѣдствіи императоромъ Вильгельмомъ I.

[2]) Мы не хотимъ его имѣть, настойчиво и громко всѣ кричатъ; мы не хотимъ, чтобъ воронъ былъ въ королевскомъ гнѣздѣ орлиномъ.

[3]) Моимъ любезнымъ Берлинцамъ почтительнѣйше объявляю, что въ скоромъ времени возвращусь изъ моего путешествія въ Англію, съ запасомъ новыхъ недоумѣній. Лондонъ. 1848. Фридрихъ-Вильгельмъ.

[4]) Новое изобрѣтеніе: господамъ правителямъ рекомендую мои по новому способу сдѣланныя орудія; они сами собою стрѣляютъ въ ту минуту, когда народъ пристаетъ съ своими требованіями. Случай—оружейникъ.

21-го Марта въ Веймарѣ привели все войско къ присягѣ новой конституціи, изданной со дня первой (въ Веймарѣ) революціи. Бюджетъ двора былъ пересмотрѣнъ и утвержденъ, Германскій парламентъ созванъ, упразднены закрытые суды, безцензурная печать дозволена, и многое другое, чего настойчиво требовалъ народъ, допущено. Противиться съ военной силой было невозможно: ея было слишкомъ мало.

Въ этотъ же день въ Вѣнѣ начались грозныя волненія.

19 (31-го) Марта. Въ Веймарѣ впервыя ввели стенографію при земскихъ собраніяхъ. Давали уроки стенографіи всякому, кто желалъ учиться. Мой братъ Андрей бралъ уроки, а затѣмъ и меня училъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ присутствіи 560-ти депутатовъ открытъ былъ Германскій парламентъ.

1-го (13-го) Апрѣля съ музыкой и рѣчами подняли на городскую ратушу національный Германскій флагъ, состоящій изъ чернаго, краснаго и желтаго цвѣтовъ.

5-го (17-го) на городской площади было народное собраніе, гдѣ много кричали и говорили. Подняли второй Германскій флагъ на такъ называемый «Fürstenhaus»: большой домъ, принадлежащій придворному вѣдомству, но гдѣ въ то время засѣдали представители народа. Доступъ къ ихъ засѣданіямъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ слушать.

Тѣмъ временемъ между Даніей и Германіей возникла война (объявлена 4-го Апрѣля нов. ст.), и 18-го (6-го) Апрѣля изъ Веймара къ мѣсту военныхъ дѣйствій отправились добровольцы. Прусскими войсками въ эту войну командовалъ извѣстный всему Берлину генералъ Врангель. Въ Маѣ 1848-го года онъ съ Прусскими войсками занялъ Ютландъ; но, благодаря вмѣшательству Русской дипломатіи въ пользу Даніи, Пруссаки, по внушенію Николая I-го, вынуждены были прекратить военныя дѣйствія въ Даніи и заключить перемиріе въ Мальмö 26 (14-го) Сентября 1848-го года.

Безпорядки и кровопролитная борьба, начавшіеся въ Парижѣ, унесли много жертвъ, и сколько невинныхъ было между ними! Въ Парижѣ умертвили почтеннаго Парижскаго архіепископа Аффра (Affre) въ то время, какъ онъ увѣщевалъ народъ на баррикадахъ не бунтовать *); во Франкфуртѣ народъ схватилъ на улицѣ молодого, изящнаго, князя Лихновскаго и графа Ауерсвальда и повѣсилъ ихъ на фонарныхъ столбахъ; въ Вѣнѣ умертвили Латура, въ Пештѣ—Ламбергера (28-го Сент. 1848 года), въ Парижѣ—княгиню Виндишгрецъ, рожд. графиню Шварценбергъ, и ея сына; въ Римѣ—Росси и Пальми; и это только отдѣльныя личности изо всей массы погибшихъ.

*) Во время безпорядковъ 25-го и 26-го Іюня.

Къ счастью общее опасеніе, что революціонная эпидемія, распространившаяся по всей Европѣ, перейдетъ и Русскую границу, оказалось неосновательнымъ. Мощная рука императора Николая Павловича держала высоко знамя самодержавія и, когда вездѣ въ Европѣ монархическое правленіе сильно пошатнулось, въ Россіи все было тихо и мирно.

Прилагаю здѣсь стихи, написанные В. А. Жуковскимъ въ Кронталѣ, близъ Содена *).

21-го Апрѣля едва открытое народное собраніе Landstände въ Веймарѣ было вновь закрыто, такъ какъ народъ уже не довѣрялъ болѣе выбраннымъ имъ самимъ депутатамъ.

4-го Мая. Все мало-по-малу утихаетъ.

15-го Мая. Въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ одновременно, точно сговорились между собою, возобновились опять безпорядки.

17-го и 18-го Мая. Народъ въ Веймарѣ все еще собирался и по цѣлымъ вечерамъ стрѣлялъ въ честь открытія Германскаго парламента во Франкфуртѣ.

21-го былъ грустный день для многихъ родителей. Вся учащаяся молодежь Веймара, гимназисты и реалисты, устроили крестовый походъ противъ крестьянскихъ мальчиковъ Оберъ-Веймара, деревни близъ Веймара. Зараженные общимъ броженіемъ умовъ, они рѣшили собственными силами расправиться между собою. Къ счастью мои братья не послѣдовали приглашенію товарищей и остались дома. Побоище дошло до кровопролитія: съ ножами напали они другъ на друга, и все окончилось только, когда одинъ изъ мальчиковъ упалъ мертвымъ.

Волненіе въ Австріи, въ Вѣнѣ приняло такіе угрожающіе размѣры, что императоръ Австрійскій оставилъ Вѣну и поселился въ Инспрукѣ. Въ Вѣнѣ предали военному суду и разстрѣляли извѣстнаго революціонера Роберта Блума. Смерть его подала поводъ къ разнымъ манифестаціямъ. Явились шляпы, галстуки, сапоги, стихи и т. д. въ честь мученика Р. Блума; народъ наряжался въ память его въ предметы его имени и, понятно, что полиція преслѣдовала ихъ за такое открытое сопротивленіе правительству. Народъ, самъ не понимая, чего собственно онъ хочетъ, все возвращался въ городъ; составляли сборища, говорили рѣчи и т. д.; но такъ какъ настоящихъ, дѣльныхъ руководителей не было, то большею частью все оканчивалось ничѣмъ.

1-го Іюня ночью нѣкоторые изъ нихъ вздумали провозгласить республику въ Веймарѣ; но, къ счастью, почвы для республики не было, и они должны были успокоиться и разойтись, не попавъ въ прави-

*) Не тревожься, великанъ и пр.

тели страны. Послѣдствіемъ нескончаемыхъ смутъ было разореніе торговли: купцы пріостанавливали платежи, все болѣе или менѣе вздорожало. Понятно, что и искусство страдало, какъ и все остальное, и у художниковъ былъ застой въ работѣ.

11-го Іюня студенты разныхъ университетовъ собрались на Вартбургъ, близъ Эйзенаха, и тоже объявили разныя свои требованія.

12-го въ городкѣ Берка (Berka) на Ильмѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Веймара, опять собралось нѣсколько тысячъ крестьянъ и разнаго народа, подъ предводительствомъ трехъ лицъ, которыя ни по положенію, ни по прошлому своему, ни по воспитанію, не были въ состояніи руководить разбушевавшейся чернью и, какъ всегда, кричали, ораторствовали, но ни къ какому заключенію не приходили. Такъ жаль было смотрѣть на гросъ-герцогское семейство, которое переживало тяжелыя времена.

Сборища эти въ Беркѣ приняли наконецъ такіе размѣры, что правительство вынуждено было выслать противъ нихъ 23-го Іюня 200 человѣкъ солдатъ, для возстановленія порядка, а на слѣдующій день еще 600 солдатъ. 26-го они разогнали изъ Берки бунтующихъ крестьянъ, и порядокъ былъ возстановленъ. Но раздраженіе между народомъ и войскомъ росло съ каждымъ днемъ, и при каждой ихъ встрѣчѣ неминуемо возникали безпорядки. Такъ 28-го въ Ульмѣ произошли безпорядки: солдаты напали на безоружныхъ гражданъ въ одномъ клубѣ демагоговъ и убили нѣсколькихъ изъ нихъ.

29-го Іюня во Франкфуртѣ парламентъ избралъ эрцгерцога Австрійскаго Іоанна Reichverweser (намѣстникомъ имперіи) Германіи. Нѣсколько дней спустя (10-го Іюля), онъ проѣхалъ черезъ Веймаръ, направляясь во Франкфуртъ къ мѣсту своего назначенія. Въ Веймарѣ его привѣтствовали колокольнымъ звономъ и 101 пушечнымъ выстрѣломъ, а молодой фонъ-Эккендаль произнесъ рѣчь отъ города Веймара.

5-го Іюля изъ Петербурга пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о появленіи тамъ холеры. Наша великая княгиня въ слѣдующее Воскресенье приказала вложить въ сугубую эктенію за обѣдней молитву по случаю холеры.

Пѣвчіе нашей церкви, очень почтенные старики, вздумали тоже бунтовать, поссорились такъ, что подавали жалобы великой княгинѣ одинъ на другого; понятно, она передавала ихъ моему отцу, а онъ имѣлъ удовольствіе разбирать ихъ. Нелегко было уговорить стариковъ успокоиться и помириться.

9-го Іюля въ Кёзенѣ, находящемся на разстояніи часа по желѣзной дорогѣ отъ Веймара, собрались члены 3-го политическаго общества; члены были изъ Саксоніи и Тюрингіи. Не могу сказать, до какой

степени всѣмъ надоѣли эти безчисленныя и безконечныя сборища разныхъ политическихъ фракцій; всѣ жаждали покоя, но нельзя было ожидать, чтобы сборища прекратились, пока было лѣто и стояла хорошая погода; только холодъ и морозы могли уменьшить число членовъ, такъ какъ только въ большихъ городахъ могли найтись для зимы помѣщенія, довольно обширныя для собраній въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

15-го Іюля въ Веймарскомъ паркѣ, такъ называемомъ «Stern», опять собралась тысячная толпа, состоявшая на этотъ разъ изъ солдатъ, гражданъ и крестьянъ: между ними произошло примиреніе, и они пили брудершафтъ. Одинъ изъ ярыхъ республиканцевъ, Іэде (Iäde), провозгласилъ республику, но и на этотъ разъ ему не удалось привести въ исполненіе свое гнусное намѣреніе.

Мое здоровье до того стало слабо, что я ничѣмъ не могла заниматься, вынуждена была прекратить свои уроки и почти не владѣла правой рукой, такъ что врачи рѣшили, что я должна начать съ того, чтобы, безо всякаго лѣченія, провести нѣсколько недѣль въ Соденѣ, гдѣ въ то время находилась моя двоюродная сестра Людмила Акимовна Базарова. И такъ, 17-го Іюля въ 5 часовъ вечера, я, въ сопровожденіи одной дамы и ея дочери, уѣхала изъ Веймара, а 19-го утромъ благополучно доѣхала до Содена, гдѣ помѣстилась у своихъ родныхъ. Моя бѣдная кузина видимо страдала легкими и очень измѣнилась. Ея мужъ Иванъ Ивановичъ, ихъ два сына и ея сестра Любовь Акимовна Кочетова, были всѣ съ нею. По Воскресеньямъ и праздникамъ Иванъ Ивановичъ уѣзжалъ въ Висбаденъ для совершенія богослуженія, но на другой же день возвращался въ Соденъ. Время проводили тихо и пріятно, катались по окрестностямъ, и мягкій воздухъ Содена поднялъ мои силы. 12-го Августа мы оставили Соденъ и переѣхали въ Висбаденъ, гдѣ докторъ Клейнъ прописалъ мнѣ теплыя ванны Кохбруннa, которыя очень помогли мнѣ противъ нервноревматическихъ болей въ правой рукѣ. До того, много недѣль я не могла играть; послѣ же этихъ ваннъ была такъ счастлива владѣть опять рукой и заняться игрой на фортепьяно. Въ Висбаденѣ у обѣдни я видѣла В. А. Жуковскаго.

5-го Сентября мы были на постройкѣ Православной церкви, которая воздвигалась надъ могилой великой княгини Елисаветы Михаиловны.

7-го Сентября во Франкфуртѣ было сборище мѣщанъ и крестьянъ. На слѣдующій день, 8-го, воздвигнули баррикады, и кровопролитіе на улицахъ длилось 12 часовъ. Несчастныхъ князя Феликса Лихновскаго и генерала фонъ-Ауерсвальда народъ сначала убилъ палками, а затѣмъ повѣсилъ на фонарныхъ столбахъ.

Это возмутительное убійство привело всѣхъ въ ужасъ, и всѣ со страхомъ ожидали дальнѣйшихъ извѣстій изъ Франкфурта. Мои родители, получивъ столь тревожныя вѣсти изъ Франкфурта, находящагося такъ близко отъ Висбадена, желали моего возвращенія и когда порядокъ былъ, повидимому, возстановленъ, меня отпустили обратно въ Веймаръ. Базаровы провожали меня до Франкфурта. Видъ этого города свидѣтельствовалъ о происшедшихъ безпорядкахъ. На главныхъ улицахъ мостовыя были разобраны, а камни, служившіе для сооруженія баррикадъ, лежали большими грудами; фонари разбиты, магазины большей частью закрыты, экипажи встрѣчались рѣдко, прежняя жизнь на улицахъ исчезла: онѣ были почти совсѣмъ пустынны. Не могу сказать, до какой степени тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня разрушенный видъ этого города, который, нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, я видѣла цвѣтущимъ и нарядnымъ; теперь казалось будто въ немъ побывалъ какой-то моръ. На другой день, 26-го Сентября, вечеромъ я была въ Веймарѣ. Разлука въ такое безпокойное время, когда не знали, чѣмъ кончится день, была вдвойнѣ тягостна, какъ для моихъ родныхъ, такъ и для самой меня.

Въ продолженіе всего времени, что̀ длились безпорядки, отъ начала ихъ и по возвращеніи моемъ изъ Висбадена, я поражена была безпокойной жизнью Веймара. Всѣ старались навѣщать другъ друга какъ можно чаще, звали къ себѣ; словомъ, внутреннее безпокойство, охватившее благонамѣренныхъ людей, выражалось лихорадочнымъ желаніемъ быть вмѣстѣ. Ни раньше, ни позже не запомню я ничего подобнаго. Гулять за городъ ходили не иначе, какъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ; словомъ, въ соединеніи искали спокойствія. Но спокойствіе не возвращалось нашему мирному городку. 29-го Сентября опять была свалка, 16 раненыхъ. Невольно задавали себѣ вопросъ: когда же будетъ конецъ этому натянутому положенію?

4-го Октября наша великая княгиня переѣхала опять въ городъ изъ своего загороднаго дворца «Бельведеръ», гдѣ проводила лѣто. Она говѣла и 7-го пріобщалась Св. Таинствъ. Одинъ Богъ могъ дать ей силу переносить все то, что̀ такъ глубоко ее огорчало.

Революціонная партія все болѣе и болѣе поднимала свой голосъ и заражала своими идеями окружавшій ее народъ. Никакія уступки, никакія льготы, данныя правительствомъ, не унимали ихъ. Наконецъ правительство рѣшило силою заставить ихъ замолчать; но въ этомъ дѣлѣ оно не могло положиться на своихъ солдатъ, которые были соотечественниками бунтовщиковъ. Поэтому 10-го Октября въ Веймаръ вступило 1800 Альтенбургскихъ и Лейпцигскихъ солдатъ, которые и арестовали главныхъ зачинщиковъ.

29-го Октября. Все это время въ Германіи происходило общее передвиженіе войскъ: военный составъ одного государства замѣняли солдатами другаго государства, такъ какъ на чужихъ скорѣе можно было положиться, и этой мѣрой надѣялись избѣгнуть того единомыслія солдатъ съ народомъ, которое всегда существуетъ тамъ, гдѣ они не только подданные одного государства, но часто даже уроженцы одного и того же города.

11-го Ноября. Въ Берлинѣ объявлено осадное положеніе, народная гвардія (Bürgerwehr) обезоружена, и министерство Бранденбурга назначено; затѣмъ въ Берлинѣ все успокоилось.

24-го Ноября. Объявили осадное положеніе города Эрфурта, гдѣ опять лилась кровь. Изъ Рима, гдѣ нѣсколько дней передъ тѣмъ коварно убитъ министръ Росси, пришло извѣстіе, что Папа бѣжалъ въ Чивита-Веккію.

29-ое Ноября. Скончалась герцогиня Альтенбургская, а на слѣдующій день супругъ ея отказался отъ престола и передалъ правленіе страны племяннику своему принцу Георгу.

2-го Декабря. Императоръ Австрійскій Фердинандъ I-й отрекся отъ престола въ пользу племянника своего, Франца Іосифа.

5-го Декабря. Король Прусскій даровалъ новую конституцію, и временное національное собраніе уничтожено.

*

Луи-Наполеонъ-Бонапартъ, впослѣдствіи императоръ Наполеонъ III, единственный во всей Европѣ, воспользовался общими смутами и Венгерской кампаніей, занимавшей Россію, и вновь воцарилъ Наполеонидовъ на Французскій престолъ; общимъ голосованіемъ онъ былъ выбранъ въ президенты республики, первый шагъ къ достиженію императорской власти. Передъ избраніемъ его въ Страсбургѣ къ ратушѣ прибили слѣдующіе стихи:

Si vous voulez la ruine, prenez monsieur Lamartine;
Si vous voulez la canaille, prenez monsieur Raspail;
Si vous voulez du coquin, prenez Ledru-Rollin;
Si vous voulez du micmac, prenez sire Cavaignac;
Si vous ne voulez qu'un nom, prenez Napoléon.

Въ началѣ 1848-го года, мой отецъ получилъ письмо отъ дяди своего, Луки Сабинина, котораго считалъ давно умершимъ, такъ какъ о немъ ничего не было извѣстно. Со своей стороны Лука Сабининъ поступилъ на военную службу въ то время, когда отецъ мой былъ еще слабымъ ребенкомъ, котораго считали недолговѣчнымъ. Будучи

уже въ Веймарѣ, мой отецъ получилъ за ученые труды Владимира награду, что̀ въ тѣ времена очень рѣдко случалось. Его дядя, который былъ въ то время комендантомъ въ Омскѣ, случайно прочиталъ объ этой наградѣ и написалъ отцу, чтобы узнать, не онъ ли такой-то его племянникъ? Оказалось дѣйствительно, что мой отецъ—сынъ его брата, и они продолжали переписываться до его смерти. Потомъ прошло много лѣтъ, и никто изъ насъ ничего не зналъ объ участи дѣтей моего дѣда, когда вдругъ, въ 1887-мъ году, совершенно неожиданно получила я письмо, также изъ Омска, отъ одного изъ его сыновей, который спрашивалъ о всѣхъ насъ.

Въ Маѣ 1848-го года скончалась отъ чахотки моя тётушка, Софія Тимоѳеевна Богословская, сестра моей матери. Она была замужемъ за протоіереѣмъ Михаиломъ Измаиловичемъ Богословскимъ, бывшимъ долгое время законоучителемъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Это былъ человѣкъ большого ума, очень строгій къ своимъ духовнымъ дѣтямъ; но всѣ они его любили и были удивительно привязаны къ нему и поддерживали съ нимъ сношенія даже послѣ поступленія на службу. Но въ домашнемъ быту онъ былъ жестокій человѣкъ, и жалко было смотрѣть на его жену и дѣтей, какъ они его боялись. Блѣдные, запуганные, угнетенные и преждевременно серьезные, они не знали беззаботнаго дѣтства; это были осторожныя и боязливыя дѣти, что̀ дѣлало ихъ раньше времени зрѣлыми умственно.

Въ Августѣ скончалась мать Іоакима Семеновича Кочетова, Маѳа. Мужу ея было 110 лѣтъ, когда она овдовѣла, да и сама она скончалась въ очень преклонныхъ годахъ.

Въ Октябрѣ постигла насъ новая потеря: младшая сестра моей матери, Вѣра Тимоѳеевна Рождественская, скончалась отъ чахотки. Мужъ ея, протоіерей Иванъ Васильевичъ Рождественскій, въ то время былъ духовникомъ великой княгини Маріи Николаевны и состоялъ при дворцовой церкви ея высочества. У нихъ было семь человѣкъ дѣтей; но всѣ они, проживъ нѣсколько лѣтъ, умирали. Она не перенесла этого горя и сама послѣдовала за своими дѣтьми. Послѣ этого онъ недолго оставался при Маріинскомъ дворцѣ, поступилъ законоучителемъ къ августѣйшимъ дѣтямъ Государя, былъ членомъ Св. Сѵнода и умеръ въ 1883-мъ году. Когда, нашъ посланникъ въ Веймарѣ, баронъ Мальтицъ, просилъ пожаловать митру моему отцу, при его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ, дѣло перешло въ Сѵнодъ. Я жила тогда въ Петербургѣ и встрѣтилась въ Зимнемъ Дворцѣ съ Иваномъ Васильевичемъ Рождественскимъ; онъ, будучи тогда уже членомъ Св. Сѵнода, говоритъ мнѣ: «На что митра твоему отцу? Я нахожу это совсѣмъ ненужно». Такъ

мой отецъ и не получилъ митры, а наперсный крестъ полученъ былъ только послѣ его смерти; самъ же Иванъ Васильевичъ имѣлъ митру.

Осенью 1848-го года изъ Веймара уѣхалъ протодьаконъ Куколевскій, отличавшійся сильнымъ и обширнымъ басомъ. Когда онъ провозглашалъ многолѣтіе, всѣ окна въ церкви дрожали. Разъ, когда онъ читалъ Евангеліе на утрени Св. Пасхи, въ ночной тишинѣ голосъ его раздавался такъ далеко, что павлины, ночевавшіе въ паркѣ, на разстояніи версты отъ церкви, проснулись въ испугѣ и подняли оглушительный крикъ. Бывали дни, что великая княгиня, нехорошо себя чувствуя, пріѣхавъ въ церковь до начала обѣдни, просила моего отца передать протодьакону Куколевскому, чтобы онъ удерживалъ свой голосъ во время службы. Изъ Веймара Куколевскій поступилъ священникомъ Мраморнаго дворца у великаго князя Константина Николаевича и скончался отъ рака въ горлѣ.

1849-й годъ.

Кругъ нашихъ друзей былъ очень немногочисленъ. До 1846 г. сестра Елена и я мы брали уроки въ обществѣ всего 4-хъ дѣвицъ: М. ф. Гельдорфъ, Р. Тонъ, Е. Цвирлейнъ и В. Гуланъ; только послѣ отъѣзда въ Смольный монастырь нашихъ двухъ сестеръ, Елисаветы и Маріи, число нашихъ знакомыхъ увеличилось, такъ какъ отецъ выразилъ желаніе, чтобы мы подругами замѣнили отсутствующихъ сестеръ. Между новыми нашими знакомыми оказалось нѣсколько дѣвицъ, которыя съ увлеченіемъ занимались музыкой; это дало намъ мысль собираться разъ въ недѣлю поочередно у одной изъ насъ, при чемъ каждая должна была что-нибудь сыграть или спѣть; кромѣ того мы много играли въ четыре руки. Эти вечера немало способствовали соревнованію, и каждая старалась сыграть что-нибудь новое. Такимъ образомъ у насъ образовался музыкальный кружокъ (Kränzchen). Сверхъ того поющія собирались тоже еженедѣльно въ нашемъ Singverein.

11-го Января былъ концертъ военнаго оркестра Bürgerwehr'a. Первый номеръ принадлежалъ капельмейстеру при Веймарской оперѣ г-ну Шелару (Chélard); это былъ живой, веселый, но уже немолодой Французъ, много сочинявшій. Его жена и дочь всѣхъ насъ учили Французскому языку. Въ этотъ вечеръ играли: 1) его увертюру «Mitternacht», гдѣ вложены были хоры, въ которыхъ мы участвовали. Его музыка, истекшая изъ Французской фантазіи, была посредственна. 2) «Der Hirt auf dem Felsen», Фр. Шуберта, пѣла драматическая г-жа Голлеръ, аккомпанировалъ dr. Францъ-Листъ (капельмейстеръ) и Saul (кларнетъ). 3) Арію изъ «Гансъ-Гейлингъ» Маршнера пѣлъ Гопф-

неръ. 4) Рондо для двухъ флейтъ Фюрстенау, исполнили члены театральнаго оркестра Шеларъ и Кучтъ. 5) «Миньонъ» (слова Гёте) Листа и «Лѣсной Царь» Шуберта, пѣла г-жа Голлеръ, съ аккомпонементомъ Фр. Листа. 6) Фантазія на «Норму», сочинилъ и исполнилъ Ф. Листъ. 7) Симфонія D-Dur Бетховена. Концертъ былъ великолѣпный. На другой же день я подписалась на чтеніе нотъ въ музыкальномъ магазинѣ и за 20 талеровъ въ годъ могла брать себѣ на домъ все, что̀ мнѣ хотѣлось на цѣлую недѣлю. Понятно, я бросилась изучать все, что̀ слышала въ предыдущемъ концертѣ. Въ это время я очень усердно занималась и пѣніемъ.

20-го Января у Веймарскаго наслѣднаго принца родилась дочь, принцесса Марія. Пушки извѣстили городъ о семъ радостномъ событіи, и вскорѣ, не смотря на чувствительный морозъ, народъ хлынулъ на улицы и изъявилъ свое сочувствіе выстрѣлами изъ пистолетовъ и ружей; пѣли и шумѣли до поздней ночи. На слѣдующій же день наша великая княгиня приказала отслужить благодарственный молебенъ: она была очень рада рожденію внучки. На крестинахъ (17-го Февраля новорожденной принцессы Маріи представителемъ Государя былъ князь Барклай-де-Толли. При Веймарскомъ дворѣ принято, что послѣ родовъ членъ царствующаго дома дѣлаетъ первый свой выѣздъ въ церковь и при особенно торжественной обстановкѣ. Такъ и на этотъ разъ, 4-го Марта, эрцгросгерцогиня Софія, въ сопровожденіи всѣхъ членовъ августѣйшаго семейства, поѣхала въ церковь, которая была наполнена жителями города.

2-го Февраля была у насъ обѣдня по случаю дня рожденія августѣйшаго супруга нашей великой княгини. Во всѣ радостные или памятные дни въ нашей церкви шла служба, и всѣ пріѣзжіе члены иностранныхъ царствующихъ домовъ сопровождали нашу великую княгиню въ ея церковь, а протестантская церковь, за рѣдкими исключеніями, въ такіе дни не призывала своей паствы къ молитвѣ, а только при богослуженіи слѣдующаго Воскресенья упоминали, что былъ такой-то праздникъ, и вкладывали коротенькую молитву. Въ этотъ день нашу великую княгиню сопровождали въ ея церковь, кромѣ августѣйшаго супруга и сына, принцъ и принцесса Карлъ Прусскіе.

5-го Февраля мы были на урокѣ Французскаго языка у г-жи Шеларъ, когда ея мужъ вошелъ въ комнату и привелъ съ собою молодого мальчика, котораго заставилъ играть на скрипкѣ, аккомпанируя ему на стоявшемъ въ комнатѣ піанино: этотъ мальчикъ былъ извѣстный впослѣдствіи скрипачъ Генрихъ Венявскій.

8-го Февраля. Вечеромъ въ концертѣ нашъ пѣвческій кружокъ пѣль «Die Walpurgisnacht» Мендельсона (слова Гёте). Это сочиненіе

Мендельсона болѣе всѣхъ другихъ напоминаетъ о его семитическомъ происхожденіи; въ немъ встрѣчаются вульгарныя мѣста.

11-го Февраля. Къ обѣду собрались къ намъ Шухардтъ, Пецольдъ и профессоръ Іегеръ. Послѣдній былъ однимъ изъ художниковъ, рисовавшихъ фрески въ комнатахъ Веймарскаго дворца, посвященныхъ поэтамъ-Гёте, Гердеру, Шиллеру и Виланду. Наша великая княгиня возымѣла мысль увѣковѣчить на фрескахъ моменты изъ главныхъ сочиненій этихъ знаменитыхъ писателей и для выполненія этой задачи призвала къ своему двору такихъ художниковъ, какъ профессора Нэръ, Преллеръ, Іегеръ, Гиммель и т. д. Къ этимъ комнатамъ она велѣла еще пристроить для пріемовъ залъ, обтянутый алымъ бархатомъ, оставшимся отъ ея приданаго. Можно себѣ вообразить, сколько она его получила, если, спустя почти 50 лѣтъ, оставалось еще столько кусковъ этого бархата, что имъ можно было обтянуть стѣны и мебель очень большой комнаты. Въ особенности Іегеръ восхитительно рисовалъ карандашомъ и перомъ, и его композиціи полны жизни и изящества. Послѣ Веймара онъ былъ назначенъ директоромъ Лейпцигской Академіи Художествъ, и мой братъ Иванъ учился тамъ подъ его руководствомъ.

Шухардъ былъ одинъ изъ трехъ послѣднихъ секретарей Гёте, по смерти котораго онъ былъ секретаремъ Веймарскаго Музея. Онъ тоже очень хорошо рисовалъ; у меня хранится одна изъ его акварелей.

Пецольдъ въ то время былъ главнымъ садовникомъ въ Веймарскомъ паркѣ. О расширеніи и украшеніи этого парка безустанно заботились гросъ-герцогъ Карлъ-Августъ и его другъ, Гёте; посадки ихъ показываются и до сего дня; но со времени ихъ смерти всѣ деревья такъ разрослись и до того тѣснили другъ друга, что, для сохраненія ихъ, пришлось подумать о расчисткѣ парка. Поручить это первому встрѣчному было невозможно; для подобной работы надо было имѣть отвѣтнаго человѣка, свѣдущаго и чтущаго память такихъ великихъ основателей и блюстителей этого парка, какими были Гёте и гросъ-герцогъ Карлъ-Августъ. Тогда вызвали изъ Эйзенаха Пецольда; онъ служилъ тамъ у богатыхъ помѣщиковъ фонъ-Эйхель, и его труды по разведенію у нихъ парка и садовъ были очень извѣстны. Кромѣ того онъ много писалъ по этой части, и его имя было уже тогда въ большомъ почетѣ. Будучи вызванъ на службу въ Веймаръ, съ титуломъ придворнаго садовника, онъ, уже по указаніямъ эрбъ-гросъ-герцога Карла-Александра производилъ въ паркѣ всевозможныя вырубки и посадки. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ былъ приглашенъ извѣстнымъ путешественникомъ княземъ Пюклеръ-Мюскау для завѣдыванія его пар-

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

комъ въ Мюскау, который извѣстенъ всему міру своей красотой. Объ этомъ паркѣ онъ издалъ большое сочиненіе.

Когда у насъ бывали такіе гости, я всегда покидала свои занятія, чтобы прислушиваться къ ихъ разговорамъ.

16-го Февраля, въ день рожденія нашей великой княгини, шло первое представленіе Тангейзера Р. Вагнера, подъ управленіемъ Франца-Листа. Роль Тангейзера мастерски исполнилъ Тихачекъ изъ Дрездена. Новизной конструкціи, блестящей инструментаціей, богатствомъ мыслей и поэтической разработкой текста самимъ композиторомъ, опера эта меня до того поразила, что я чуть не разрыдалась, когда услышала ее въ первый разъ. Я была глубоко потрясена геніемъ Вагнера, и впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этой оперы, породило многостороннія мысли, которыя долго бродили во мнѣ, и потребовалось много времени и повторенія слышаннаго, чтобы вполнѣ усвоить себѣ эту музыку. Представленіе Тангейзера было тріумфомъ Листа: послѣ безчисленныхъ затрудненій, не смотря на скромную обстановку Веймарскаго театра, ему удалось впервыя поставить эту оперу и тѣмъ выдвинуть ее въ свѣтъ, такъ какъ съ перваго же раза всѣ почувствовали, что Тангейзеръ будетъ жить и процвѣтать. До тѣхъ поръ его только разъ давали въ Дрезденѣ, и то благодаря Тихачеку, который, подъ руководствомъ Рихарда Вагнера, первый изучилъ главную роль, для исполненія которой требовались такія обширныя голосовыя средства и такая музыкальная подготовка, что обыкновенные оперные тенора и не брались за нее, находя ее слишкомъ трудной.

Роль Елисаветы пѣла Р. Ахте, дочь члена Веймарской придворной капеллы, получившая очень солидное музыкальное образованіе у пр. Гётце, извѣстнаго въ свое время тенора; онъ же и проходилъ съ ней роль Елисаветы. Вольфрама передалъ отличный баритонъ Р. Мильде. Вообще представленіе дало все, что только можно было ожидать отъ Веймарской труппы. Наша великая княгиня не жалѣла денегъ, чтобы содѣйствовать Листу въ исполненіи этой и многихъ другихъ оперъ; Листъ вызывалъ новыхъ членовъ капеллы, выписывалъ хорошіе инструменты для Веймарскаго оркестра, а она брала на себя почти всѣ экстренные расходы и этимъ много способствовала поднятію Веймарской оперы и вообще музыки. Словомъ, великая княгиня поддерживала славу Веймарскаго театра, созданную при Гёте.

Вагнера приглашали присутствовать на этомъ представленіи, но онъ отказался, говоря откровенно, что боится ошибиться въ своихъ ожиданіяхъ отъ исполненія Тангейзера на Веймарской сценѣ, но глубоко убѣжденъ въ стараніяхъ участвующихъ и очень благодаренъ за всѣ ихъ труды. Онъ намѣревался побывать въ Веймарѣ у Листа въ

Маѣ; но вслѣдствіе политическихъ смутъ, въ которыхъ онъ необдуманно принялъ участіе, Вагнеръ вынужденъ былъ бѣжать въ Швейцарію и много лѣтъ не смѣлъ возвращаться въ Германію.

Вскорѣ послѣ перваго въ Веймарѣ представленія Тангейзера, Листъ переложилъ для фортепіано увертюру его и сцену «Abendstern» изъ третьяго акта.

18-го Февраля. Мы получили письмо отъ брата Ивана изъ Петербурга съ горестною вѣстью: Господь Богъ отозвалъ къ Себѣ нашу дорогую старшую сестру Елисавету. Это было первое большое горе, постигшее наше семейство. Она скончалась отъ чахотки, въ Смольномъ монастырѣ, въ Петербургѣ; ее похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ, недалеко отъ собора. На моего бѣднаго брата легли всѣ заботы о приготовленіи для нея мѣста покоя, и притомъ онъ долженъ былъ утѣшать сестру Марію, которая была еще очень молода и теперь оставалась одна въ Смольномъ.

20-го Февраля. Мой отецъ отслужилъ заупокойную обѣдню о новопреставленной дочери своей; ему это было очень тяжело, но онъ бодрился въ память ея и въ утѣшеніе намъ. Во второмъ часу къ моимъ родителямъ пріѣхала наша великая княгиня, чтобы выразить имъ свое соболѣзнованіе; она знала усопшую и любила ее, какъ и всѣ мы.

Въ концѣ Февраля въ Веймарѣ были открыты новые гласные суды (Assises), о которыхъ такъ хлопоталъ народъ во время революціи 1848-го года. Первое время всѣ ходили слушать разбирательство дѣлъ, которыя большею частью были политическаго характера; таковыхъ много накопилось со времени революціи, но мало-по-малу лихорадочная страсть присутствовать при судебныхъ разбирательствахъ улеглась, и затѣмъ никому и въ голову не приходило ходить слушать подобныя дѣла.

17-го Марта. Скончался король Вильгельмъ Голландскій, отецъ эрбъ-гросъ-герцогини Софіи. Король проболѣлъ всего три дня и скончался одинъ, безъ королевы. Извѣстно, что ихъ отношенія не были самыя нѣжныя: у королевы былъ трудно уживчивый характеръ, и всѣ ея боялись. Въ выраженіи лица ея было что-то суровое. Особенно отъ нея страдалъ ея сынъ, принцъ Генрихъ, впослѣдствіи намѣстникъ Люксембурга. Разъ онъ входитъ въ кабинетъ королевы, останавливается издали и говоритъ ей: «Maman, puis-je aller à Amsterdam?» Королева какъ будто не слышитъ и не видитъ. Онъ повторяетъ тотъ же вопросъ второй и третій разъ. Наконецъ она, не оборачиваясь, говоритъ: «Va!» и онъ дѣйствительно «va» и радъ, что освободился. Она была очень суевѣрна и между прочимъ не позволяла, чтобы ей

подавали какое бы то ни было новое бѣлье, которое не принадлежало къ ея приданому. Но хотя приданое ея было громадно, бѣлье отъ времени рвалось, такъ что наконецъ, чтобы имѣть возможность подавать его королевѣ цѣльнымъ, камерфрау ея, Кузовлева, рѣшилась вставлять въ него новые кусочки, которые бы закрыли дыры, и такимъ образомъ все бѣлье ея было въ заплатахъ. Королева много читала по-славянски; по-русски же ей рѣдко приходилось говорить, такъ какъ немного Русскихъ заглядывало въ Гагу. Съ годами у нея явилась привычка смѣшивать Русскій языкъ со Славянскимъ, такъ что она говорила «азъ есмь» и употребляла другія выраженія въ этомъ родѣ. Ея дочь, эрбгросгерцогиня Софія, боялась ея, какъ и всѣ окружавшіе ее, и когда королева гостила въ Веймарѣ, всѣ ходили по стрункѣ. Наканунѣ воскресныхъ, праздничныхъ или царскихъ дней мой отецъ являлся всегда въ 10 часовъ утра къ нашей великой княгинѣ, чтобы получить отъ нея приказаніе, въ которомъ часу начать службу, и узнать другія какія-нибудь ея желанія. Когда королева Анна Павловна бывала въ Веймарѣ, наша великая княгиня всегда отправляла моего отца къ ней для полученія отъ нея приказаній. Но часто королева отсылала его обратно къ великой княгинѣ, чтобы она сама назначила часъ и тому подобное; но, зная характеръ своей сестры, наша великая княгиня всегда становилась на второй планъ и просила моего отца устроить все по желанію королевы; такъ что для того, чтобы получить наконецъ требуемое рѣшеніе, отцу приходилось ходить отъ одной къ другой какъ мировому посреднику. Когда великая княгиня проживала на дачѣ Бельведеръ, въ часовомъ разстояніи отъ города, отца по Субботамъ приглашали къ ея столу. Обѣдали въ 3 часа. За нимъ присылали придворный экипажъ, и съ нимъ ѣхалъ обыкновенно оберъ-шенкъ фонъ-Фицтумъ, старый слуга великой княгини, часто бывавшій въ Россіи.—Извѣстіе о кончинѣ короля Нидерландскаго получено было только черезъ два дня, 19-го вечеромъ. Въ этотъ день скрипачъ Эрнстъ и Листъ давали блестящій концертъ, на которомъ присутствовало все гросъ-герцогское семейство. Понятно, что, по полученіи этого извѣстія, августѣйшая семья погрузилась въ глубокій трауръ. Короля они любили, и онъ оставилъ своимъ дѣтямъ громадное частное состояніе.

11-го Марта была панихида по императорѣ Павлѣ I-мъ. Это была единственная служба, на которой наша великая княгиня всегда желала быть одной. Въ этотъ день она пріѣзжала со своей старой камерфрау, Маврой Петровной Соколовой, и больше никто не присутствовалъ на богослуженіи. Причины смерти императора Павла держались въ строжайшемъ секретѣ. Я помню, у отца часто бывалъ про-

фессоръ Германнъ, писавшій исторію Россіи; изъ его разговоровъ мы узнали многое, что̀ до того не печаталось.

28-го Марта Нѣмецкій парламентъ во Франкфуртѣ большинствомъ голосовъ (230 противъ 40) избралъ въ Германскіе императоры короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV-го. Понятно, что вечеромъ, когда вѣсть объ этомъ распространилась, народъ ликовалъ. Но въ политическомъ мірѣ чувствовалась какая-то напряженность, видимаго согласія не существовало, да искренно никогда и не можетъ существовать тамъ, гдѣ народные элементы и, главное, господствующія религіи слишкомъ разнородны. Но все это не мѣшало имъ распѣвать «Was ist des Deutschen Vaterland» и думать, что они съ Австріей слились въ одно большое цѣлое. Впослѣдствіи увидѣли, какъ это предположеніе было ошибочно.

22-го Апрѣля. Была въ театрѣ. Давали «Марту» подъ управленіемъ Листа. Опера шла отлично, но я немало измучилась въ этотъ вечеръ. Насъ было шесть молодыхъ подругъ, которыя сидѣли вмѣстѣ. Вдругъ, откуда ни возьмись, является молодой человѣкъ съ длинными рыжими волосами, садится за нами и начинаетъ шопотомъ повторять мнѣ всѣ выдающіяся мѣста изъ Марты. Мои подруги помирали со смѣху, но мнѣ было далеко не до смѣха: онъ злилъ меня своей безтактностью. Впослѣдствіи этотъ же молодой человѣкъ надоѣдалъ мнѣ своими серенадами подъ нашими окнами съ пѣніемъ и гитарою; я боялась, что отецъ замѣтитъ это глупое ухаживаніе и попросила брата сказать ему отъ себя, что онъ можетъ пѣть, гдѣ ему угодно, но только не у нашего дома.

6-го Мая. Опять были безпорядки въ Дрезденѣ; на улицахъ строили баррикады. Броженіе умовъ никакъ не могло утихнуть; оно было подобно эпидеміи, для прекращенія которой требуется извѣстное время. Но отъ этого было не легче тѣмъ, которые держались въ сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы общественная жизнь въ Германіи успокоилась.

На слѣдующій день извѣстія изъ Дрездена еще мрачнѣе: на улицахъ его совершались кровопролитія. 9-го пріѣхали бѣжавшіе оттуда друзья моихъ родителей, Липманъ съ женою.

5-го Іюля. Былъ народный праздникъ. Существуетъ обычай, что богатые арендаторы по очереди устраиваютъ ежегодно въ окрестностяхъ Веймара народный праздникъ, на который считаются приглашенными всѣ и каждый, отъ великаго герцога до послѣдняго мужика: всѣхъ угощаютъ кофеемъ, пивомъ, пирогами и т. д. Понятно, что всякій, кто только можетъ, является на этотъ праздникъ.

Съ 11-го Августа начались ежедневныя музыкальныя репетиціи къ столѣтнему юбилею со дня рожденія Гёте. Листъ завѣдывалъ музыкальной частью праздника и управлялъ нашимъ хоромъ. Онъ былъ очень любезенъ и предупредителенъ съ дамами и замѣчанія свои дѣлалъ въ очень мягкой формѣ. Бо́льшая часть дамъ, членовъ нашего пѣвческаго клуба, были не особенно развиты въ музыкальномъ отношеніи и при Листѣ боялись дать полную свободу своимъ голосамъ. Онъ, разумѣется, это замѣтилъ и сказалъ имъ: «Meine Damen, seien Sie nicht so bescheiden (сударыни, не будьте такъ скромны). Если написано diminuendo, то я васъ попрошу пѣть слабо, но никакъ не задерживать тэмпа». Эти ежедневныя репетиціи поглощали все наше время: спѣшили все приготовить и выучить.

27-го Августа начались празднества. Въ 5 часовъ вечера франмасоны устроили большое праздничное собраніе членовъ ложи Амаліи, названной такъ въ честь матери гросъ-герцога Карла-Августа, гросъ-герцогини Амаліи, которая отличалась рѣдкимъ умомъ и вела переписку со всѣми выдающимися лицами своего времени. Не будучи членами этой ложи, которая помѣщалась въ домѣ противъ насъ, мы не могли присутствовать на собраніи и только видѣли, какъ члены ея, увѣшанные разными атрибутами, спѣшили со своими семействами въ собраніе. Въ 8 часовъ вечера освѣщена была лѣтняя дачка въ саду Гёте, находящемся въ паркѣ близъ города, и Римскій домикъ въ самомъ паркѣ. Мужской хоръ исполнилъ тамъ: Mächtige Geisterflügel Апеля; 2) Wanders Nachtlied Рейсмера; 3) «Licht, mehr Licht» (послѣднія слова умирающаго Гёте), Ф. Листа. Всѣ, бывшіе тогда въ живыхъ, потомки Гёте собрались къ этому торжеству и были первыми гостями на всѣхъ праздникахъ.

Извѣстно, что Гёте имѣлъ единственнаго сына отъ брака своего съ кухаркой, съ которой обвѣнчался во время Наполеоновской войны, въ 10 часовъ вечера, сколько я помню, во время сраженія при Іенѣ. Сынъ этотъ былъ далеко недостоинъ носить знаменитое имя своего отца; онъ умеръ въ 1830 году и похороненъ въ Римѣ, въ Campo Santo Inglesi. Его жена, рожденная фонъ-Погвицъ (v. Pogvitz), была красивая и умная женщина, но вообще ея не любили и впослѣдствіи, когда ея единственная дочь Альма фонъ-Гёте, молодая дѣвица рѣдкой красоты, скончалась въ Вѣнѣ, народная молва обвиняла г-жу фонъ-Гёте въ очень неблаговидномъ поступкѣ *). Кромѣ этой дочери, у нея было еще два сына: Вольфъ—поэтъ и Вальтеръ—композиторъ. На этихъ внукахъ геніальнаго писателя хорошо было видно, какъ тяжело

*) Говорили, что она отравила свою дочь Альму.

носить знаменитую фамилію: всѣ ожидали найти въ нихъ хоть тѣнь ума и дарованія ихъ великаго дѣда, но они представляли собою двухъ маленькихъ, жиденькихъ человѣчковъ, очень некрасивыхъ, неловкихъ, застѣнчивыхъ и вѣчно обиженныхъ. Послѣднимъ изъ рода Гёте скончался Вальтеръ, и сдѣлалъ лучшее, что онъ могъ сдѣлать, а именно завѣщалъ все движимое и недвижимое имущество своего дѣда, коллекціи и т. д. гросъ-герцогинѣ Софіи Саксенъ-Веймарской, которая сейчасъ же, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, приступила къ устройству музея Гёте и къ изданію всѣхъ найденныхъ его рукописей.

Самый день рожденія Гёте, 28 Августа, начался пѣніемъ передъ усыпальницей гросъ-герцогскаго семейства, гдѣ по обѣимъ сторонамъ своего державнаго друга и покровителя, гросъ-герцога Карла-Августа, покоятся Гёте и Шиллеръ. Всѣ участвующіе собрались въ ½ 7-го утра передъ городской ратушей, оттуда стройнымъ шествіемъ двинулись на кладбище, передъ усыпальницу и, согласно программѣ, спѣли сочиненныя къ этому дню: 1) Хоралъ; 2) Am Graben Goethe's, слова Колиша, музыка Штёра; 3) «Denn du von dem Himmel bist», мужской хоръ, музыка Гиллера.

Къ этому дню окончилась пристройка гросъ-герцогской библіотекѣ, открытіе которой началось въ 11 часовъ утра кантатой въ двухъ частяхъ, сочиненной придворнымъ капельмейстеромъ Н. Шеляромъ и исполненной подъ его управленіемъ гросъ-герцогской оперной капеллой и хоромъ. Соло пѣлъ оперный пѣвецъ Шнейдеръ (теноръ). Окончилось все рѣчью библіотекаря Преллера. Въ 2 часа были праздничные обѣды въ домѣ общества Erholung и въ домѣ Общества стрѣлковъ, такъ-называемомъ Armbrust, гдѣ балы и концерты даются въ большой залѣ. Лѣтомъ члены Общества стрѣлковъ со своими семействами посѣщаютъ расположенный вокругъ зданія садъ съ рестораномъ. Общество это состоитъ большей частью изъ купцовъ, богатыхъ ремесленниковъ и мелкихъ чиновниковъ. Ежегодно они устраиваютъ большую стрѣльбу съ призами въ такъ-называемомъ Schützhaus. Новые члены принимаются по большинству голосовъ.

Къ праздничному обѣду члены этихъ обществъ приглашали всѣхъ пріѣзжихъ и соотечественниковъ, не бывшихъ членами. Пріѣзжихъ со всѣхъ концовъ Германіи и другихъ государствъ наѣхало много, и былъ устроенъ особый комитетъ, заботившійся объ ихъ помѣщеніи и присутствованіи ихъ на всѣхъ празднествахъ. Въ 6 часовъ вечера началось представленіе «Торквато Тассо» Гёте въ гросъ-герцогскомъ театрѣ. Роль Тассо игралъ извѣстный трагикъ Десойръ изъ Карлсруэ. Предшествовавшій драмѣ прологъ былъ написанъ А. Бётгеромъ, а увертюра и симфоническіе музыкальные антръ-акты сочинены Ф. Листомъ

и исполнены подъ его управленіемъ. По окончаніи драмы, по рѣшенію городского головы, была иллюминація города.

Въ Среду, 29 Авг., въ 10 час. утра, назначено было любительское представленіе сочиненія Гёте Das Jahrmarkt zu Plündersweilern, на импровизованной сценѣ въ гросъ-герцогскомъ паркѣ въ Тифуртѣ [1]). Играло 29 лицъ, почти всѣ наши знакомые изъ общества. Мнѣ дали роль Тирольки, и мнѣ пришлось, подъ звуки шарманки, пропѣть дуэтъ съ Тирольцемъ на мелодію старинной народной пѣсни, состоящей изъ десяти куплетовъ. Сцена была устроена на большомъ лугу передъ дворцомъ, поставлены несмѣтные ряды стульевъ для зрителей и кресла для высочайшихъ особъ, которыя всѣ прибыли. Съ нашей великой княгиней на спектакль пріѣхала гостившая у нея въ это время княгиня Лигницъ, морганатическая супруга короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III-го [2]).

Спектакль былъ очень удаченъ, и по окончаніи пьесы импровизованные актеры были покрыты рукоплесканіемъ многотысячной толпы. Фохтъ, частное лицо, милліонеръ, проживавшій въ Веймарѣ, исполнялъ роль «маркшрейера», какъ бы руководителя всей пьесы. По окончаніи представленія, княгиня Лигницъ послала просить къ себѣ Фохта и пригласила его пріѣхать со своею труппой въ Козенъ, гдѣ она лѣчилась, объявляя при этомъ, что всѣ расходы она беретъ на себя. Онъ долженъ былъ отказать ей, и тогда только она узнала, что мы всѣ игравшіе—любители, а не актеры по профессіи.

Послѣ концерта, при иллюминаціи, на лугу передъ домомъ вольныхъ стрѣлковъ, Веймарскими художниками было устроено торжественное шествіе въ костюмахъ изъ сочиненій Гёте. Этимъ закончилось празднованіе 100 лѣтняго юбилея со дня рожденія Гёте при общемъ ликованіи всѣхъ присутствующихъ.

Въ продолженіе трехъ дней, 27-го, 29-го и 30-го Августа, всѣмъ были доступны кабинетъ и спальня Гёте, комнаты во дворцѣ, посвященныя памяти поэтовъ, выставка вещей Гёте въ гросъ-герцогской библіотекѣ и вообще всѣ другія художественныя коллекціи.

---

[1]) Замокъ и деревня Тифуртъ находятся на разстояніи часа ходьбы отъ города, и паркъ, окружающій этотъ дворецъ, одно изъ любимыхъ мѣстъ для гулянья Веймарскихъ жителей.

[2]) Княгиня Лигницъ, рожд. графиня Августа фонъ-Гаррахъ (род. 30 Августа 1800 года), по смерти королевы Луизы, до такой степени привязала къ себѣ своего августѣйшаго друга, что онъ на ней женился. Она держала себя съ удивительнымъ тактомъ. Послѣ смерти короля (7 Іюня 1840 г.), всѣ члены королевской семьи относились къ ней съ большимъ уваженіемъ, доказательствомъ чему можетъ служить то, что наша великая княгиня пріѣхала вмѣстѣ съ нею на представленіе въ Тифуртѣ.

30-го Августа къ намъ приходилъ Листъ, но, къ сожалѣнію нашему, не засталъ насъ дома. Какъ я узнала впослѣдствіи, его поразило наше дѣятельное участіе въ этихъ празднествахъ.

Представленіе въ Тифуртѣ «Das Jahrmarkt zu Plündersweilern» до того понравилось, что насъ упросили повторить его, что̀ мы и исполнили 8-го Сентября. Послѣ представленія наша великая княгиня предоставила намъ залу во дворцѣ, гдѣ мы и протанцовали весь вечеръ. Я никогда не любила танцевъ и была больше нѣмою зрительницей общаго веселья. Въ этотъ день было очень свѣжо, всего 1° тепла, такъ что не мѣшало согрѣться танцами. Ночью былъ даже морозъ, и всѣ георгины замерзли.

10-го Сентября скончался фонъ-Шпигель (v. Spiegel), гофмаршалъ двора нашей великой княгини и интендантъ придворнаго театра. Это былъ человѣкъ старый, умный съ тонкой ироніей и хромой. Онъ не всегда входилъ въ новые взгляды Листа насчетъ преобразованій въ оперѣ и оркестрѣ; и я думаю, что послѣдній былъ доволенъ, когда на мѣсто его гофмаршаломъ и интендантомъ былъ назначенъ другъ Листа фонъ-Цигезаръ.

16-го Сентября. Пѣли въ протестантской церкви мотету Мендельсона. Ихъ воскресное богослуженіе начиналось обыкновенно импровизаціей на органѣ извѣстнаго ученика Гуммеля, профессора Тёпфера, бывшаго моего учителя на фортепіано. Затѣмъ каждыя двѣ недѣли нѣсколько членовъ нашего пѣвческаго клуба исполняли какое-нибудь хоровое пѣніе, «a capella», или съ аккомпанементомъ органа, или нѣсколькихъ струнныхъ инструментовъ. Затѣмъ собравшіеся въ церковь пѣли хоромъ, шла проповѣдь, проповѣдникъ читалъ «Отче нашъ», и давалъ общее благословеніе, и служба оканчивалась вторичнымъ пѣніемъ хорала или послѣдняго стиха изъ хорала, пропѣтаго до проповѣди.

Вечеромъ былъ «дѣвишникъ» у члена нашего музыкальнаго кружка, Анны Гросгеймъ, которая выходила замужъ за полковника фонъ-Лейбницъ. Собралось большое общество, такъ какъ существуетъ обычай вечеромъ наканунѣ свадьбы приглашать всѣхъ друзей со стороны невѣсты и жениха. Приносили свадебные подарки, дѣлали разныя шутки, наряжались и т. д. Раздавали извѣстный пирогъ съ бобомъ, и получившіе бобъ принимали поздравленія. А тѣмъ временемъ передъ входною дверью дома разбивали старые глиняные кувшины, бросали осколки стекла и фарфора,—словомъ, какъ всегда при такихъ случаяхъ, передъ подъѣздомъ образовалась цѣлая груда черепковъ. Танцовали до трехъ часовъ утра.

1850-й годъ.

Въ началѣ Февраля, въ первый разъ послѣ своего низверженія, герцогиня Елена Орлеанская пріѣхала навѣстить свою тетку, нашу великую княгиню (мать герцогини Елены была родная сестра гросъ-герцога Карла Фридриха, а отецъ—эрбгросъ-герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій). Послѣ революціи 1848-го года, герцогиня Елена Орлеанская бѣжала изъ Парижа и пріѣхала къ своей теткѣ, нашей великой княгинѣ, которая отдала въ ея распоряженіе верхній этажъ Эйзенахскаго дворца, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ и проживала герцогиня со своими сыновьями, графомъ Парижскимъ и герцогомъ Шартрскимъ, совершая съ ними длинныя прогулки по лѣсистымъ окрестностямъ Эйзенаха. Она ничего не захватила съ собою, когда бѣжала въ Германію, такъ что тотчасъ по ея пріѣздѣ наша великая княгиня заказала для нея столовое и другое бѣлье, платья и т. д., однимъ словомъ, цѣлое приданое, которое и подарила ей. Такъ какъ у герцогини ничего не было, то моя подруга, Анна фонъ-Эйхель, жившая всегда въ Эйзенахѣ, послала ей столовое серебро. Нѣсколько вѣрныхъ слугъ сопровождало герцогиню Елену въ ея бѣгствѣ; они поселились съ нею въ Эйзенахѣ и жили тамъ въ полномъ уединеніи, такъ что, за исключеніемъ фрау фонъ-Швендлеръ, рожденной Галаховой, и Анны фонъ-Эйхель, она почти никого не видала.

Великая княгиня знала, что герцогина Елена очень любитъ музыку и, желая развлечь ее, пригласила мама и меня къ себѣ на вечеръ. Кромѣ герцогини Елены присутствовали при этомъ: герцогиня Бернгардъ Веймарская съ дочерьми своими, принцессой Анной и Амаліей; эрбъ-гросъ-герцогъ Карлъ-Александръ съ супругою своею Софіей, графиня Фритшъ (оберъ-гофмейстерина великой княгини) и фрейлины ея высочества, Натали-фонъ-Мандельсло и Мари-фонъ Бёльвитцъ. Великая княгиня представила меня герцогинѣ Еленѣ Орлеанской. Она была высокаго роста и очень ходощава, а выраженіе лица ея было грустное и доброе. Она заговорила со мной по-нѣмецки, и особенная любезность выражалась во всемъ ея существѣ. По просьбѣ присутствовавшихъ я сыграла фантазію Прудента (Prudent) на тему изъ Лучіи и увертюру Тангейзера, устроенную Листомъ. По окончаніи вечера, великая княгиня позвала меня въ свою уборную (Toiletenzimmer), которая находилась возлѣ ея кабинета, вложила мнѣ въ руку маленькій футляръ величиною съ пятачекъ и сказала: «Носите всегда эти часы на память отъ меня». Я хотѣла поцѣловать ей руку, но она скрестила свои руки за спиной, и я не могла ихъ достать.

Съ тѣхъ поръ въ продолженіи 35-ти лѣтъ я всегда носила эти часы, величиною съ 2-хъ или 3-хъ копѣечную монету, и они удивительно шли для такихъ маленькихъ часовъ; я никогда не любила носить на себѣ золотыя вещи, но для нихъ я дѣлала исключеніе. Разъ стрѣлка ослабѣла, и я дала ихъ въ починку одному часовщику (Жиду) въ Ялтѣ, и съ тѣхъ поръ больше ихъ не видала: они у него пропали, и онъ увѣрялъ, что никогда ихъ отъ меня не получалъ. Ни одна потеря не причинила мнѣ такого огорченія, какъ эта. Я старательно берегу всѣ вещи, которыя остались у меня отъ моей юности; глядя на нихъ, я вспоминаю свою молодость со всѣми ея радостями и горестями; въ этомъ я—маніакъ.

Въ день рожденія нашей великой княгини, 4 (16-го) Февраля, была дана «Ифигенія въ Авлидѣ» Глюка.

По иниціативѣ Листа, директоръ театровъ Цигезаръ, большой другъ Листа, любитель и знатокъ музыки, человѣкъ, стремившійся съ нимъ къ одной цѣли, къ поднятію музыкальнаго уровня въ Германіи,—выписалъ изъ Дрездена партитуру Ифигеніи Глюка, съ инструментаціей, передѣланной Вагнеромъ, и съ прибавленнымъ имъ же новымъ окончаніемъ оперы. Въ этомъ видѣ дали ее. Безспорно опера Глюка только выиграла отъ переработки Вагнера, но и здѣсь Листу пришлось отстаивать свою мысль, такъ какъ, по невѣжеству, злая опозиція старалась доказать, что работа Вагнера—кощунство надъ классической работой Глюка. Вагнеръ тоже исправилъ либретто Ифигеніи. Спросятъ, зачѣмъ взялся онъ за это дѣло? Безсмысленность либретто заставила его рыться; такъ какъ небрежный переводъ текста, съ Итальянскаго на Нѣмецкій языкъ, дѣлался людьми неопытными въ этомъ дѣлѣ, то они не принимали во вниманіе согласованія словъ съ музыкой и часто ставили главное слово на ноту со слабымъ удареніемъ. Вагнеръ мечталъ и достигъ тѣснаго и осмысленнаго соединенія словъ съ музыкой; онъ не могъ, еще до своего бѣгства изъ Дрездена, хладнокровно дирижировать оперу маэстро Глюка, не исправивъ предварительно всѣхъ ошибокъ и несмысленностей, вкравшихся въ нее при копированіи и переводахъ и не возстановивъ такимъ образомъ классической работы Глюка. Исполнителямъ этой оперы въ ея прежнемъ видѣ нельзя было ставить въ вину, если они небрежно относились къ выговариванію словъ; въ этомъ ихъ поддерживалъ безсмысленный переводъ. Пѣніе, стоявшее еще такъ высоко въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ началѣ XIX-го, когда были такіе пѣвцы, какъ супруги Гасса, Каталани, Мара, и т. д. теперь падало съ ужасающей быстротой. Речитативы стали козломъ отпущенія всевозможныхъ самовольнымъ фантазій поющихъ, и большая заслуга Вагнера, для поднятія осмыслен-

наго соединенія слова съ музыкой, состояла въ томъ, что, для большей ясности своей мысли, онъ написалъ въ тактъ всѣ речитативы въ Лоэнгринѣ, такъ что поющему стоитъ только въ точности исполнять его указанія, и передача будетъ безукоризнена. Въ музыкальныхъ драмахъ Вагнера музыка и слова такъ тѣсно связаны, что составляютъ одно цѣлое. До того времени опера состояла изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ и неосмысленныхъ частей, изъ арій, дуэтовъ, хоровъ и т. д., въ которыхъ музыка была главной задачей или цѣлью, а дѣйствіе служило только для употребленія музыки. У Вагнера же музыка служитъ къ усиленію и болѣе обширному выраженію содержанія драмы-поэмы, которая развивается передъ глазами слушателя.

19-го Мая я уѣхала въ Дрезденъ къ С. М. Хлоповой, съ дочерьми которой мы очень сошлись; онѣ со своей матерью были у насъ въ Веймарѣ. Одно время мы навѣщали другъ друга, а потомъ, какъ это почти всегда бываетъ съ мимолетными знакомствами, я совсѣмъ потеряли ихъ изъ вида. Спустя болѣе тридцати лѣтъ, младшая дочь навѣстила меня въ Крыму, и отъ нея я узнала, что во время ихъ странствованій по Европѣ, ихъ мать попала въ руки Католическаго духовенства, отреклась отъ отцовской вѣры и передала почти все свое состояніе католическому монастырю.

Съ той минуты, что̀ профессоръ Тёпферъ объявилъ моимъ родителямъ, что ему нечему меня больше учить и что мнѣ надо учителя-піаниста, у меня возникло желаніе имѣть хорошіе уроки фортепіанной игры. Прежде я мечтала объ урокахъ у Шопена, но только что оказалось возможнымъ исполнить мое горячее желаніе, какъ онъ умеръ. Вступить въ Лейпцигскую консерваторію, взамѣнъ Шопена, мнѣ не хотѣлось, и я какъ-то побаивалась консерваторскаго учебнаго духа. Но Мендельсонъ, который училъ тамъ, былъ для меня притягательною силой, и рѣшено было, что мнѣ позволятъ ѣхать въ Лейпцигъ пользоваться уроками Мендельсона, игры котораго, впрочемъ, я никогда не слыхала. Его слава, какъ композитора и учителя, была очень велика. Но смерть Мендельсона опять помѣшала мнѣ, и я уныло продолжала заниматься одна въ Веймарѣ. Но желаніе учиться у меня было такъ велико, что я сдѣлала еще новую попытку и рѣшилась поступить ученицей къ Кларѣ Шуманъ, и это наконецъ удалось мнѣ. Теперь мнѣ представился случай побывать въ Дрезденѣ, гдѣ жили Шуманы, и я упросила отца дозволить мнѣ брать у нея уроки. Отецъ подарилъ мнѣ 50 рейхсталеровъ и сказалъ, что я ему сдѣлала удовольствіе, подаривъ ему на ёлку копію съ картины Рюисдаля (почти въ $1\frac{1}{2}$ аршина величины, писанную масляными красками и надъ которой я работала почти полъ-года), и что онъ, въ свою очередь,

даетъ мнѣ эти деньги, чтобы я ихъ употребила на свои нужды. Кромѣ подаренныхъ мнѣ отцомъ денегъ, у каждаго изъ насъ дѣтей былъ маленькій запасный капиталъ въ казначействѣ, куда мы вкладывали самые маленькіе денежные подарки. Вотъ я и просила отца позволить мнѣ употребить мой капиталъ на дальнѣйшее мое образованіе. Отецъ позволилъ мнѣ это; да кромѣ того, понимая, что этого надолго не хватитъ, былъ такъ добръ, что обѣщалъ мнѣ еще помогать изъ своихъ скудныхъ средствъ.

Пріѣхавъ въ Дрезденъ 19-го Мая вечеромъ, я на слѣдующій же день отправилась къ г-жѣ Шуманъ. Каково же было мое горе, когда я узнала, что она на мѣсяцъ уѣхала въ Лейпцигъ со своимъ мужемъ Робертомъ Шуманомъ, оперу котораго «Геновева» должны были ставить на тамошнемъ городскомъ театрѣ. Я немедленно написала родителямъ, умоляя ихъ дозволить мнѣ послѣдовать за нею въ Лейпцигъ. Въ ожиданіи отвѣта я осматривала картинную галлерею, Дрезденъ и его окрестности и побывала въ Итальянской оперѣ, гдѣ давали «Роберта Дьявола» Мейербера. Получивъ согласіе родителей, я выѣхала въ Лейпцигъ, куда въ тотъ же день пріѣхала ко мнѣ мама, чтобы пристроить меня въ подходящемъ семействѣ и повидаться съ Кларой Шуманъ, которую я письменно просила давать мнѣ уроки. Г-жа Шуманъ, еще будучи Кларой Викъ, бывавшая у моихъ родителей въ Веймарѣ, приняла насъ очень мило и помогла мнѣ найти пріютъ въ пансіонѣ для молодыхъ дѣвицъ О. фонъ-Штейберъ (Steyber), куда моя мать и помѣстила меня.

Въ пансіонѣ жило только 12 молодыхъ дѣвицъ, остальныя были приходящими. Между первыми были двѣ дочери извѣстнаго книгопродавца Фр. Брокгауза, который въ то время уже передалъ свое обширное заведеніе племяннику, а самъ сильно страдалъ глазами и, купивъ себѣ имѣніе въ Саксонской Швейцаріи, близъ Шандау, проживалъ тамъ со своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены (родной сестры Рихарда Вагнера) и двухъ дочерей, находившихся въ то время въ Лейпцигѣ у своей бывшей гувернантки, г-жи фонъ Штейберъ. Одна изъ нихъ, Клара, была очень одарена музыкальнымъ талантомъ и хорошимъ голосомъ, но беззаботность вслѣдствіе состоянія отца и лѣнь ея не дозволяли ей серьезно заниматься: для нея музыка была скорѣе пріятнымъ препровожденіемъ времени (c'était plutôt un agréable passe-temps). Она много мнѣ разсказывала про своего «Onkel Richard», музыкальный геній котораго она ставила выше всѣхъ композиторовъ; да и какъ человѣка, она — единственная изо всего семейства — его очень любила. Ея мать была гораздо старше Рихарда Вагнера и, будучи уже замужемъ за Брокгаузомъ, заботилась о воспитаніи своего

молодого брата-сироты, который жилъ у нихъ въ домѣ. Но Вагнеръ плохо отплатилъ имъ за всѣ ихъ заботы и совсѣмъ удалился отъ нихъ; понятно, что послѣ этого они разошлись съ нимъ, о чемъ его сестра говорила съ видимой горестью.

Кузина Клары Брокгаузъ, извѣстная пѣвица Іоанна Вагнеръ имѣла для нея большую притягательную силу, и Клара Брокгаузъ старалась идти по ея слѣдамъ. Но вездѣ ей все слишкомъ легко давалось, и она была не въ силахъ нести солидную работу. Въ Лейпцигѣ она занималась пѣніемъ у Лидіи Фрэге, жены богача, которая учила ее по дружбѣ. Лидія Фрэге очень хорошо пѣла, хотя въ то время, когда я ее слышала, голосъ ея уже сильно ослабѣлъ. Ея роскошный домъ въ Лейпцигѣ былъ центромъ, куда собирались всѣ музыкальные таланты и силы, и много хорошаго исполнялось въ немъ. Она была большимъ другомъ Ф. Мендельсона Бартольди, и многіе изъ своихъ романсовъ онъ написалъ для нея.

28-го Мая я съ нѣкоторымъ трепетомъ отправилась къ Кларѣ Шуманъ. Она рѣшила, что я буду пользоваться ея уроками два раза въ недѣлю. Ея имя, какъ піанистки-исполнительницы и учительницы, было очень извѣстно, а за уроки она брала по два талера (немного болѣе двухъ рублей). На первый урокъ она мнѣ задала Prélude и 2-ю фугу Баха, этюды Крамера №№ 1-й, 3-й и 5-й; три страницы изъ сонаты Бетховена ор.... и 2-й ноктюрнъ Шопена (ор. 3.). Въ этомъ размѣрѣ задавала она мнѣ отъ одного урока къ другому.

Клара Шуманъ была стройна и граціозна для Нѣмки. Она была не красива, но интересна, высокаго роста и очень худощава; голова ея узковатая, угловатая; горбатый носъ, тонкія губы, глубоко-лежащіе сѣро-голубые глаза; черные волосы окаймляли блѣдное лицо, выраженіе котораго спокойно-грустное. Въ ея наружности мало замѣчалось такого, что̀ напоминало бы о ея Еврейскомъ происхожденіи, за исключеніемъ немногихъ движеній, которыя сопровождались нѣкоторыми маленькими Жидовскими особенностями. Она, какъ и мужъ ея, по временамъ картавила. Одѣвалась она хорошо: просто, но со вкусомъ. Въ обращеніи бывала очень любезна и предупредительна, и только въ отношеніи людей, которые ей антипатичны, держала себя свысока (zurückgezogen). Со мной она всегда была очень добра и ласкова; только нерѣдко меня поражала ея серьезная, озабоченная и очень нервная манера. Это обстоятельство для меня вполнѣ объяснилось, когда впослѣдствіи я узнала ея домашнюю жизнь и увидѣла, какъ тяжело на ней отзывалось часто повторявшееся нервное, ипохондрическое настроеніе ея мужа.

Она одарена тонкимъ чувствомъ или чутьемъ: удѣлъ почти всѣхъ женщинъ, выдающихся въ искусствѣ или литературѣ. Особеннаго слова для этого чувства нѣтъ, оно прирожденное и развивается только при общемъ развитіи человѣка. Привить это чувство кому-нибудь посредствомъ воспитанія невозможно. Это дается тѣмъ, у кого развиты сердце и умъ. Клара Шуманъ называла это: имѣть правильную жизнь въ своихъ чувствахъ. Она очень зорко слѣдила за выраженіями въ словахъ, особенно при опредѣленіи какого-нибудь сочиненія. Я тогда хорошо говорила по-нѣмецки, но начавъ говорить на этомъ языкѣ только съ одиннадцатилѣтняго возраста (до тѣхъ поръ мы больше говорили между собою по-датски и по-французски), я не привыкла еще въ точности опредѣлять степень выраженія каждаго слова. Помню, разъ она меня спросила, какъ мнѣ нравится одна маленькая пьеса ея мужа; я ей отвѣчала: «Die Composition ist sehr hübsch». Когда Клара Шуманъ говорила, она шепелявила, что̀ при малѣйшемъ волненіи усиливалось. Она такъ и отвѣчаетъ мнѣ: «Meine Fräulein. Sie sagen hübsch. Wie kann man so ein Wort gebrauchen für so eine Composition? Sagen Sie schön, wunderschön. Ich bitte mir in dieser Hinsicht eine andere Denkweise aus». (Сударыня, вы говорите, что сочиненіе хорошенькое. Какъ можно употреблять такое слово для такого сочиненія: оно прекрасиво, удивительно прекрасно. Въ этомъ отношеніи я васъ попрошу для себя измѣнить свой образъ мыслей).

Она была очень дѣятельна и цѣлый день бывала занята или съ мужемъ, или съ дѣтьми, своей музыкой, корреспонденціей и наконецъ хозяйствомъ. Эта усиленная дѣятельность изнуряла ее, что̀ часто замѣчалось по ея блѣдному лицу, усталому виду, худобѣ и нервной игрѣ. Но на всѣ увѣщеванія беречь себя, она всегда отвѣчала: «Могу ли я иначе жить?» Она очень страдала отъ мрачнаго настроенія души своего мужа, но, не смотря на все, любила его безгранично, и они жили очень счастливо. Все, что̀ только было возможно, она сама въ домѣ дѣлала, до нотной бумаги, которую она даже *линевала* для сочиненій своего мужа; сама шила и одѣвала куколъ для своихъ дѣтей и т. д. Разъ, передъ концертомъ, начало котораго было назначено въ 6 часовъ, она въ пять часовъ, еще въ домашнемъ платьѣ, хотѣла дать своимъ дѣтямъ молока и бѣлаго хлѣба (Semmeln—булки). Она беретъ ножъ, начинаетъ рѣзать и отрѣзаетъ себѣ верхушку указательнаго пальца лѣвой руки. Наскоро перевязавъ палецъ и заклеивъ его Англійскимъ пластыремъ, она одѣлась и пріѣхала вò время въ концертъ. Не смотря на сильную боль въ рукѣ, она играла очень хорошо.

Къ несчастью г-жа Шуманъ была немного глуха, такъ что поневолѣ наклоняла голову къ клавишамъ, или одно ухо къ разговари-

вающему съ ней лицу. Но это не мѣшало ей слышать малѣйшую ошибку во время игры.

Ея мужъ, Робертъ Шуманъ, былъ великій талантъ, очень даровитъ, образованъ и начитанъ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ гораздо выше своей жены и имѣлъ большое вліяніе на ея развитіе. Соединеніе бракомъ двухъ такихъ музыкальныхъ величинъ, какими были супруги Шуманъ, есть рѣдкое явленіе. Извѣстно, что въ молодости онъ много упражнялся на фортепьяно, но, испортивъ себѣ одинъ палецъ, вынужденъ былъ отказаться отъ карьеры піаниста и послѣ этого только писалъ. Работалъ онъ всегда стоя передъ своимъ бюро, а около стояло фортепьяно, на которомъ онъ игралъ свои сочиненія; ни малѣйшій звукъ не долженъ былъ безпокоить его въ это время, и ради этого двери изъ комнаты, гдѣ стояло фортепьяно г-жи Шуманъ, были заколочены и заложены матрацами.

По наружности Шумана съ перваго же взгляда можно было угадать, что это умный, выдающійся человѣкъ. Большая голова, покрытая густыми, вьющимися черными волосами, широкія плечи, высокій ростъ, статная мускулистая фигура, все въ немъ дышало силой и мощью. Онъ былъ очень близорукъ, и чтобы видѣть что-нибудь прищуривалъ глаза и надѣвалъ монокль. Походка его была медленная, но нервная. Только во время ежедневныхъ своихъ прогулокъ съ женою, отъ 11 до 12 часовъ, они медленно гуляли по парку въ теченіе положеннаго на это времени; часто въ это время къ нимъ присоединялся Василевскій.

Вообще Шуманъ былъ очень молчаливъ, и часто казалось, что онъ не принимаетъ никакого участія въ томъ, что вокругъ него происходитъ, а весь погруженъ въ свои мысли. Не смотря ни на какія просьбы, онъ нерѣдко по цѣлымъ днямъ запирался въ своемъ кабинетѣ, не желая видѣть ни жены, ни дѣтей; или же во время концерта или репетиціи онъ вдругъ находилъ, что жена его играетъ слишкомъ медленно, или слишкомъ скоро, дѣлалъ ей рѣзкое замѣчаніе, и во время остановокъ (pause) ходилъ одинъ взадъ и впередъ по залѣ, какъ левъ, предвѣщающій бѣду. Вообще женѣ его нерѣдко приходилось проводить очень тяжелые часы, такъ какъ онъ часто бывалъ своенравенъ и ипохондриченъ. Безъ сомнѣнія, эти припадки ипохондріи были началомъ той тяжкой болѣзни, которой никто не сумѣлъ предупредить и отъ которой онъ страдалъ впослѣдствіи. Сердце у него было доброе, и какъ только проходило его ипохондрическое настроеніе, онъ снова становился сердечнымъ и нѣжнымъ мужемъ и отцомъ. Все изящное интересовало его, и онъ умѣлъ найти дарованіе у другихъ и хорошую сторону ихъ сочиненій. Онъ былъ справедливъ и признателенъ,

что̀ не всегда можно было сказать про его жену, которая бывала пристрастна и недовѣрчива; онъ же никогда не вѣрилъ, когда ему разсказывали о комъ-нибудь что-нибудь нехорошее, и въ такихъ случаяхъ старался смягчить свою жену.

8-го Іюня, въ день рожденія Роберта Шумана, всѣ музыкальные кружки Лейпцига устроили ему серенаду «Ständchen».

25-го Іюня дано было первое представленіе единственной оперы Шумана «Геновева». Ему поднесли лавровый вѣнокъ. Но публика, которая любитъ внѣшнее впечатлѣніе даже въ оперѣ, осталась холодной къ этому новому труду своего соотечественника.

3-го Іюля былъ музыкальный вечеръ у г-жи Преусеръ; тамъ я въ первый собственно разъ услышала игру Клары Шуманъ. Ея отчетливая, осмысленная игра поразила меня, и дѣйствительно, въ то время она безспорно была первой въ Европѣ піанисткой. Двѣ сестры Преусеръ пѣли дуэты Шумана. Послѣ музыки былъ поданъ роскошный ужинъ, а затѣмъ всѣ направились въ красивый садъ, окружающій дачу Преусеръ, который былъ изящно иллюминованъ.

На слѣдующій день я брала послѣдній урокъ у м-мъ Шуманъ; она возвращалась въ Дрезденъ, чтобы въ скорости переселиться въ Дюссельдорфъ, гдѣ Шуманъ получилъ свое первое назначеніе.

10-го Іюля. Я возвратилась въ Веймаръ и тамъ, гдѣ бы я ни появлялась, вездѣ меня просили играть, воображая, что послѣ какихъ-нибудь десяти уроковъ у м-мъ Шуманъ можно преодолѣть горы трудностей. Я была совершенно противоположнаго мнѣнія и мечтала о томъ, какъ бы попасть на зиму въ Дюссельдорфъ, чтобы продолжать мои уроки у нея.

(Продолженіе будетъ).